

Екатерина Кожина

Ювелир Моня и эльф

Екатерина Кожина

Ювелир Моня и эльф

<https://litres.ru/74197369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ювелир Моня нашел продавца в свою лавку. Прекрасный эльф продает украшения с такой грацией, что все женщины Верхнего города встали к очередь за новой брошкой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Кожина

Ювелир Моня и эльф

Глава 1

Жизнь лавки Моисей Штейнбока текла своим чередом, пока доброта Клары снова не дала о себе знать. Все уже привыкли к хромым мастифам и светящимся лисам, но в этот раз девушка превзошла саму себя: она притащила с тракта грязного, худого и изрядно избитого эльфа. Ушастый интеллигент едва держался на ногах, а его разорванный зеленый камзол просил пощады.

Через полчаса в лавку Мони решительно зашел Дик. Лицо весельчака выражало крайнюю озабоченность.

— Мастер Штейнбок, имею к вам мужской разговор и просьбу, — с порога заявил Дик. — Заберите этого ушастого страдальца к себе на постой.

Моня аж лупу выронил от такой наглости:

— Дирочка, дорогой, не делайте мне смешно, у меня от этого портится коммерческий авторитет! Моя лавка — это ювелирный салон высшей лиги, а не приют для помятых лесных жителей! Зачем он мне сдался? У вас же целый домик с садом!

— Вот именно — у меня сад и Клара! — отрезал Дик, на-

супившись. — Я солдат и человек ревнивый. Мне не улыбается, чтобы в мое отсутствие по дому шастал чужой мужчина, пусть даже он бледный, худой и эльф.

— Ой, вы посмотрите на этого Отелло местного разлива! — всплеснула руками Циля, вышедшая из кухни со светящейся лисой на плечах. — А то, что у Мони в доме живет молодая, незамужняя и привлекательная племянница вас не волнует?! Вы хотите подвергнуть мою гномью честь эльфийскому искушению?!

— Циля, замолчи свой рот, твоей чести ничего не грозит, пока у тебя в руках половник, — отмахнулся Моня. — Короче, Дик, забирайте это ушастое недоразумение обратно к рыбам.

Дик хитро прищурился, подошел и понизил голос:

— Мастер Моня, если вы подержите его у себя пару недель, наше агентство «Верный щит» гарантирует вам следующую поездку в Подгорье бесплатно.

У Мони внутри переключилась шестеренка. Калькулятор в его голове выдал сумасшедшую цифру чистой экономии. Гном картинно вздохнул, прижал руку к сердцу и посмотрел на Дика с глубоким упреком:

— Дирочка! Вы редкий вымогатель, но умеете делать такие предложения, от которых у честного гнома начинается инфаркт совести. Ладно! Тащите вашего эльфа, пока я не передумал и не посчитал налоги. Пусть ложится в комнату Семы.

Эльфа заселили. Целительные зелья Клары и Цилины сытные бульоны сотворили чудо: уже через три дня ушастый гость пришел в себя, отмылся и обрел франтовской вид. Его звали Лиадон. По его словам, в котором Моня верил примерно на один процент, он был знаменитым писателем-путешественником, автором бестселлера «Сто способов заблудиться в эльфийских лесах». А в этот квартал он попал потому, что на тракте его ограбили разбойники, украв кошель с золотом и рукопись нового романа.

Эльф оказался до неприличия болтливым. Лежать в четырех стенах ему наскучило, и он решил применить свой поэтический дар на практике. Первой жертвой пала Циля. Лиадон приперся к ней на кухню, облокотился о косяк и принялся соловьем разливать о красоте закатов над Серебряным озером.

Спустя час Циля выставила его за дверь, размахивая половником.

— Вон! Вон из моей кухни, ушастый романтик! — бушевала гнома, пока лиса на ее плече яростно фыркала. — Моня, вы только посмотрите на этого поца! Он целый час рассказывал мне за эльфийскую росу и звездную пыль! В итоге я заслушалась, и вместо нормального, наваристого супа с потрохами у меня получился какой-то приторный компот, который пахнет фиалками и мамиными слезами! Из-за его красивых речей мы останемся без обеда!

Изгнанный Лиадон вздохнул и спустился вниз, в торговый зал. Там он грациозно устроился на стуле для посетителей и решил составить компанию Моне.

— Мастер Штейнбок, — протянул эльф. — Какое при-
скорбное отсутствие эстетики в ваших витринах. Столько
грубого золота. Ювелирное искусство должно дышать вет-
ром, быть легким, как паутинка в лунном свете. Вот в моих
чертогах...

Моня снял очки с тремя линзами, положил их на верстак
и посмотрел на эльфа с такой нежностью, с какой смотрят на
дорогого, но безнадежно клиента.

— Лиадон, дорогой, — сладко запел Моня. — Я имею вам
сказать одну маленькую, но очень мудрую вещь. Ветер и па-
утинка — это жутко поэтично, но ими нельзя заплатить за
аренду этой лавки, и магистрат не принимает эльфийские за-
каты в качестве налогов. Мое «грубое золото» кормит всю
мою семью, включая вас и ваши пострадавшие от разбойни-
ков уши! Так что не делайте мне дизайн интерьера, у меня
от вашей эстетики уже начинает чесаться левый карман.

В этот момент с жердочки под потолком подал голос се-
мицветный попугай. Он захлопал крыльями, наклонил голо-
ву и истошно завопил прямо над ухом эльфа:

— Мало золота! Поц! Эльф — поц! Мало золота!

Лиадон подпрыгнул на стуле от неожиданности:

— О небо! Какая невоспитанная, вульгарная птица! От-
куда в ней столько меркантильности?

Моня Штейнбок довольно и ласково погрозил попугаю пальцем:

— Ой, Лиадон, не трогайте мою птицу, она имеет больше коммерческого смысла, чем все ваше эльфийское собрание сочинений! Он просто чувствует, когда в лавке находится человек, у которого красивых слов много, а в карманах гуляет лесной сквозняк. Так что сидите тихо, наслаждайтесь обществом и не мешайте мне ждать клиентов, которые придут тратить свои неэстетичные, но такие приятные монеты!

Глава 2

В один из четвергов, когда солнце припекало так, будто хотело растопить все Монино золото, двери лавки распахнулись с таким грохотом, что семицветный попугай едва не свалился с жердочки.

В зал вплыла мадам Бронштейн — супруга главного поставщика гильдии мясников. Это была женщина выдающихся габаритов и капризного нрава, при ее появлении даже у каменных статуй на ратуше начиналась мигрень. За ней шел слуга, тащивший два тяжелых ридикюля.

— Штейнбок! — с порога запричитала мадам Бронштейн, яростно обмахиваясь веером из павлиньих перьев. — Я имею вам сказать, что ваши прошлогодние изумруды — это не драгоценности, это сплошное разочарование для моих подруг! На приеме у мэра они блестели так тускло, будто их делали из бутылочного стекла в подвале Южной жилы! Покажите мне что-нибудь приличное, или я заберу свои деньги и унесу свой авторитет к вашим конкурентам на Соборную улицу!

Моня Штейнбок покрылся испариной, понимая, что эта дама способна выпить из него всю кровь и не купить даже серебряной булавки. Он уже открыл рот, чтобы начать свою гномью дипломатию, но тут со стула грациозно поднялся Лиадон.

Эльф поправил свой посвежевший изумрудный камзол, изящно отвел руку в сторону и посмотрел на мадам Бронштейн взглядом, в котором смешались восторг художника и трепет преданного рыцаря.

— О, лучезарная госпожа — голос Лиадона прозвучал как струна эльфийской арфы, омытая утренней росой. — Мои глаза ослеплены! Какие изумруды? Изумруды — это для эльфийских дев. Вашей монументальной красоте нужен пламень, заточенный в камне!

Мадам Бронштейн замерла на полувздохе. Веер застыл в ее пухлой ручке, а капризная гримаса на лице медленно сменялась выражением крайнего, но жутко приятного ошеломления.

— Ой — кокетливо пискнула она, поправляя шляпку. — А вы, молодой человек, собственно, кто будете? Штейнбок, вы что, наняли себе в подмастерья принца в изгнании?

— Мой юный друг — главный эксперт по эстетике Высших лесов, мадам! — сориентировался Моня. — Он приехал специально, чтобы подобрать оправу для вашего редкого шарма!

Лиадон тем временем скользнул за прилавок, достал из витрины бархатный ложемент с массивным золотым колье, украшенным крупными рубинами — вещь дорогой, но до того тяжелой, что Моня безуспешно пытался продать ее последние три года.

— Посмотрите на эти рубины, о прекрасная мадам, —

шептал эльф, склоняя голову так близко, что мадам Бронштейн затаила дыхание. — Они были добыты в недрах Огненных скал и огранены эльфами под шепот полуночного ветра. Каждое утро они будут впитывать тепло вашего сердца и сиять на вашей королевской шее, заставляя ваших врагов бледнеть от бессильной ярости. Это не просто золото. Это гимн вашей стати!

— Моня — прошептала мадам Бронштейн, глядя на колье как загипнотизированная. — Мне кажется, этот мальчик читает мои мысли. Сколько стоит этот гимн?

Моня Штейнбок открыл рот, собираясь назвать стандартную цену в двести золотых, но Лиадон, даже не повернув головы, перебил гнома:

— Триста пятьдесят золотых, мадам. Но для женщины, чье присутствие освящает эту скромную лавку, мастер Моня, разумеется, сделает королевский жест и уступит за триста сорок девять. Ибо истинная красота не знает цены.

— Беру! — выдохнула мадам Бронштейн, подталкивая слугу с ридикюлями к кассе. — И вот те серьги с сапфирами тоже заверните! Они так подходят к моим глазам, когда я сержусь на своего Бронштейна!

Когда за счастливой, обвешанной коробками клиенткой закрылась дверь, в лавке повисла тишина. Попугай на жердочке потряс головой и выдал:

— Поц Эльф — не поц! Эльф — коммерсант! Много золота!

Моня подошел к кассе, пересчитал кучу золотых монет, снял очки, вытер лоб платком и посмотрел на Лиадона с таким глубоким уважением, с каким гномы смотрят только на золотую жилу толщиной в три обхвата.

— Лиадон, дорогой — Моня, его голос дрожал от восторга. — Я имею вам сказать: ваша эльфийская роса и шепот полуночного ветра — это самый прибыльный бизнес-план, который я видел за последние пятьдесят лет! Вы продали это кольцо, которое лежало у меня дольше, чем Циля ищет себе мужа, да еще и накрутили сверху половину стоимости!

Из кухни, привлеченная звоном монет, выбежала Циля со светящейся лисой на плечах:

— Моня, что тут за звон, будто у нас филиал ратуши во время сбора налогов?!

— Цилечка, радость моя, забудь за свой компот с фиалками! — закричал Моня, потирая руки. — Наш ушастый поэт только что сделал нам месячную выручку за десять минут разговоров! С сегодняшнего дня вы — официальное лицо, главный фасад и старший продавец лавки «Драгоценности Моисея Штейнбока» для богатых дам!

Эльф поклонился, скромно опустив длинные ресницы:

— Я лишь служил искусству, мастер Моня.

— Искусство — это прекрасно, но проценты от продаж — еще лучше! — отрезал гном, хитро прищурившись. — Циля, быстро неси Лиадону нашего лучшего чаю, и не жалей сахара! У этого мальчика золотой язык, и мы должны содержать

его в идеальной смазке. На следующей неделе к нам обещала зайти супруга бургомистра, и я хочу, чтобы Лиадон рассказал ей за эльфийские звезды так красиво, чтобы она переписала на нас половину своей недвижимости!

Глава 3

На Цилиных наваристых супах и пирогах из кафе Сони эльф Лиадон похорошел так, что на него стало больно смотреть без темных очков. Щеки его округлились до приличного состояния, а в волосах появился такой шелковый блеск, будто он купался в лунном свете. Богатые дамы верхнего города прознали про «ушастого принца» за прилавком Мони и повалили в лавку плотной толпой.

Моня Штейнбок, глядя на то, как золото течет в кассу со скоростью весеннего паводка, сообразил: если так пойдет дальше, витрины опустеют через неделю, и дамам придется продавать пустые коробки из-под изумрудов.

— Циля, картина маслом! — объявил ювелир, натягивая дорожные сапоги. — Я еду в Подгорье. Лавка работает, Лиадон своим языком делает нам деньги, так что я должен привезти столько камней, чтобы этой ярмарке тщеславия хватило до зимы. За Лиадоном следи в оба глаза, не давай ему заглядываться на кассу, пусть смотрит исключительно в глаза покупательницам.

В дорогу Моня взял проверенную гвардию из агентства «Верный щит» — хмурого Владо, степенного Бруно и не унывающего Дика, который всю дорогу хитро ухмылялся, ведь по контракту эта поездка обходилась Моне совершенно

бесплатно.

В пути у них случилось небольшое приключение: на одном из лесных перекрестков дорогу карете преградил патруль бродячих гоблинов-налоговиков, пытавшихся содрать с гнома пошлину за «проезд по воздуху над их канавой». Но Владо так выразительно положил руку на эфес, а Бруно так веско хрустнул пальцами, что гоблины вспомнили про срочные дела в другой части леса и освободили тракт.

До Подгорья добрались в лучшем виде. В Алмазном Синдикате Моня предстал перед своей ненаглядной Розой. Он безбожно флиртовал с ней битых два часа, сыпал такими комплиментами, от которых даже суровые гномы-инспекторы за соседними столами начинали тихонько икать.

Но когда пришло время доставать из кармана жилетки кармашек с кольцом редкой красоты, Моня снова занервничал, покрылся испариной и перевел разговор на чистоту алмазов. Забрав тяжеленный мешок, гном увел свою охрану обратно к карете, всю дорогу ругая себя за гномью нерешительность.

А пока Моня ехал обратно, в верхнем городе Лиадон всю крутил торговое колесо. Он распродал остатки старых коллекций, очаровывал клиенток и заставлял Цилю регулярно пересчитывать горы золотых монет. Но в период отсутствия хозяина лавки, с эльфом тоже приключилась одна небольшая, но крайне любопытная история

Глава 4

Среди капризных дам, их пышных юбок, вееров и суетливых слуг в лавке появилась хрупкая девушка. Она была одета в такое невзрачное платьице, что Лиадон не выделил ее из толпы. Однако природа наградила эльфа не только поэтическим даром, но и длинными, чуткими ушами. Когда очередная баронесса с визгом восхищения примеряла сапфировое кольцо, ухо Лиадона уловило едва слышный шорох — бархатный ложемент коснулся стекла чуть иначе.

Когда толпа покупательниц начала рассеиваться, эльф скользнул вдоль прилавка. Он вырос перед незнакомкой, загородив ей дорогу к дверям, и, наклонившись, тихонько пропел ей на ухо:

— О, юная нимфа. Мой поэтический взор устремлен к звездам, но мой эльфийский слух заземлен на витрины мастера Штейнбока. Я имею вам заметить, что то золотое колечко с бирюзой, которое только что грациозно перекочевало в ваш левый рукав, очень скучает по своей бархатной подушечке.

Девушка побледнела, ее глаза округлились от страха. Она вытащила из рукава кольцо, швырнула его на прилавок и рванулась к выходу. Лиадон аккуратно, но крепко перехватил ее за локоть.

— Куда же вы так спешите? — хмыкнул эльф. — Без бла-

гословения нашей кухни отсюда никто не уходил.

Он завел ее за ширму и громко позвал:

— Мадам Циля! Я поймал нимфу с криминальными наклонностями. Сдаю ее под ваш трибунал!

Циля, на плечах которой бдительным часовым сидела лисичка, спустилась с половником наперевес. Она окинула воровку гномьим взглядом, оценила бледность и синяки под глазами, после чего грозно посмотрела на Лиадона:

— Эльф, ты имеешь глаза или только уши, чтобы слушать свои собственные стихи?! Посмотри на эту девочку, в чем там только душа держится! Она же бледная, как кусок мыла после затяжной стирки! Какой трибунал? Ей сначала нужно сделать свидание с хорошей тарелкой супа, иначе она упадет нам прямо на этот чистый паркет, и мне придется оттирать ее обморок!

Циля решительно взяла девушку за руку, отвела наверх в свободную комнатку, принесла туда огромную миску наваристого бульона, три пирога от Сони и заперла дверь на ключ до конца рабочего дня. От греха и магистрата подальше.

Вечером, когда лавка закрылась, Циля и Лиадон поднялись наверх, чтобы устроить задержанной допрос. Девушка сидела на кушетке, укутавшись в шаль. Миска была пуста до блеска, а на ее щеках появился румянец. От голода она казалась подростком, но, как выяснилось, ей уже исполнилось двадцать лет.

— Ну, деточка, — Циля уселась на стул. — Рассказывайте нам эту вашу грустную оперу. Как вас зовут и зачем вы делаете такие некрасивые движения в приличном ювелирном магазине?

— Меня зовут Мари, — тихо ответила девушка. — Моя мама была эльфийкой. Она очень любила отца, бросила ради него свои леса, но три года назад заболела и умерла. Отец — человек. После смерти мамы он сломался. С горя начал пить, бросил работу, задолжал денег страшным людям. Я училась в благородном пансионе. Но когда папа покатился на дно, мне пришлось бросить учебу. Работы нет, папа только пьет и плачет, есть дома нечего. Вот я и пошла на рынок. Попробовала украсть булку — получилось. Потом кошелек — тоже получилось. У меня, как назло, обнаружились очень быстрые мамины эльфийские пальцы. Но мне так стыдно! Мама всегда честности учила, говорила, что эльфы скорее умрут от голода, чем возьмут чужое. А я... я воровка!

Мари закрыла лицо руками и заплакала. Лиадон сочувственно вздохнул:

— Какая трагическая баллада. Смещение кровей, падение нравов и папа на дне бутылки. Это ранит мою поэтическую душу.

— Лиадон, замолчи свой рот, твоя душа сейчас никого не кормит! — прикрикнула на него Циля, а у самой в глазах уже блестели слезы жалости. — Мари, деточка, перестань делать сырость. Воровать, конечно, последнее дело, и если бы это

увидел Моня, у него бы случился инфаркт правого кармана. Но раз твоя мама учила тебя честности, а пальцы у тебя быстрые, то мы найдем им другое полезное применение. Будешь жить у нас. Пойдешь ко мне в помощницы! Будешь помогать мыть витрины, чистить серебро и тереть полы. С твоей скоростью ты будешь успевать все делать до того, как я успею на тебя прикрикнуть.

Когда через три дня к лавке подкатила карета и оттуда вышел Моня Штейнбок, нагруженный мешками с новыми алмазами, его встретила удивительная картина. Лавка блестела так, будто ее полировали ангелы. Лиадон забалтывал очередную графиню, а из-за ширмы выглядывала незнакомая девушка, вытирая серебряный поднос.

— Ой, вей — Моня перевел взгляд на Цилю. — Цилечка, радость моя, я отсутствовал всего две недели! Я возил свои нервы в Подгорье, спасал наши капиталы, а ты за это время открыла у меня в лавке филиал эльфийского посольства?! Кто эта худая нимфа и почему она трогает мое серебро своими руками?

— Моня, не делайте мне крик на всю улицу, вы пугаете клиентов! — отрезала Циля, выходя вперед. — Это Мари. Она сирота при живом отце-поце, имеет прекрасные манеры из пансиона и такую скорость в уборке, что твоя любимая лупа теперь блестит даже без твоего участия! Она живет у нас и работает моей помощницей за скромный пансион и

Цилин суп.

Моня насупился, обошел Мари кругом, осмотрел ее невзрачное платьице и хмыкнул:

— Помощница, говорите? Ну, так я имею вам сказать: если эта полуэльфийская дама разобьет мне хоть один флакон с полиролью, я вычту это из ее наследства! Но — гном хитровато прищурился, заметив, как Мари быстро расставила броши по ранжиру, — манеры у нее действительно приличные. Ладно, пусть остается. В конце концов, в лавке Мони Штейнбока всегда должно быть кому прибраться после того, как Лиадон заболтает очередную богатую дуру. Мари, добро пожаловать. И помните: золото любит тишину, а Моня любит, когда его приказы выполняются вчера!

Мари счастливо улыбнулась, и этот квартал обрел еще одну спасенную душу, а лавка Мони — идеальный порядок.

Глава 5

В один из вечеров все собрались за общим ужином. Циля водрузила на стол супницу с ароматным бульоном, а лисичка на плечах довольно зажмурилась. Лиадон, отодвинув тарелку, вздохнул и ни с того ни с сего произнес:

— Ах, мадам Циля, этот суп прекрасен, но он никогда не сравнится с нектаром, что я пил в долине Трех Ручьев, когда я, Лиадон Иллитиэль Ванидár, спасался от диких грифонов Мари замерла. Ее эльфийские уши дернулись.

— Как ваше полное имя?! Лиадон Иллитиэль Ванидар? Автор «Ста способов заблудиться в эльфийских лесах»?!

— Ну разумеется, дитя мое, — опустил ресницы эльф. — Рад, что моя скромная слава опережает меня.

— Ой, вей — Моня Штейнбок отложил вилку. — Лиадон, не делайте мне волны на ровном месте, я сейчас утону от вашей скромности. Вы хотите сказать, что этот грязный воротник, который Клара притащила с дороги, таки умеет писать буквы в правильном порядке?

— Господин Моня, это правда! — горячо воскликнула Мари. — В пансионе, где я училась, эта книга считалась величайшим шедевром! Все девочки зачитывались ею! Мы все были влюблены в этого отважного путешественника!

С этого ужина в лавке наступили новые времена. Оказа-

лось, болтливый эльф не врал. А Мари и Лиадон стали неразлучны. Они часами сидели на ступеньках, пока покупателей не было, и говорили о дальних странах, древних руинах и стилистических оборотах. Лиадон расцветал на глазах, обретя преданного слушателя, а Мари, окруженная заботой и наконец-то сытая, за пару месяцев похорошела так, что ее невзрачность растаяла, как утренний туман над рекой. Кожа светилась, а волосы отливали эльфийским серебром.

В один из теплых вечеров, когда лавка уже закрылась, а Моня с Цилей ушли пить чай к Соне, Лиадон посмотрел на сияющую Мари, не выдержал своего эльфийского темперамента и долго целовал ее посреди торгового зала, между витринами с брошками. Мари не стала царапаться, как Соня, а лишь крепче прижалась к своему кумиру.

На следующий день они, взявшись за руки, вошли в кабинет к Моне.

— Мастер Штейнбок, мадам Циля, — с воодушевлением начал Лиадон. — Мы приняли решение. Благодаря вашей невиданной щедрости и моим сумасшедшим процентам от продаж мы накопили достаточно золота. Пора возвращаться к истокам. Мы отправляемся в большое путешествие вместе! Мари будет моей музой и соавтором, и мы напишем новый великий роман!

Моня снял одну увеличительную линзу, затем вторую, положил их на бархат и посмотрел на влюбленную парочку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.